

УДК 811.161.1

ПОЛИИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

А.Ю. Чернышева

Аннотация

В данной статье рассматривается природа полиинтенциональности в сложном предложении: выделяется полиинтенциональность, которую образуют прямые речевые акты (РА), имеющие совпадающие и несовпадающие иллокутивные функции, полиинтенциональность, которую создают косвенные высказывания, а также полиинтенциональность, в создании которой принимают участие сопутствующие прямым РА иллокутивные функции.

Русская грамматическая традиция рассматривала сложное предложение как такую статическую структуру, которая может иметь одинаковую и разную целенаправленность соединяемых компонентов (см., например, [3, 5]).

Развитие теории РА активизировало изучение целенаправленности сложного предложения, или (в терминах теории РА) его коммуникативной интенции – иллокутивной функции, сделав правомерной постановку вопроса о том, с каким числом речевых актов (РА) соотносится сложное предложение.

Изучению прагматики сложного предложения способствовало «открытие» учеными второй системы русского литературного языка – разговорной речи, в которой, как оказалось, особенно развиты полипредикативные высказывания с разной коммуникативной направленностью компонентов. Развитость «функциональных групп» в разговорной речи объясняется тем, что она протекает в условиях непосредственного общения, ориентируясь на 1-е и 2-е лицо, что позволяет говорящему лично побудить собеседника к совершению какого-либо действия или задать ему вопрос с учетом его индивидуальности (см. [17, с. 241–242]).

Мнения ученых о том, как соотносится сложное предложение с РА, является дискуссионным. Одни ученые считают, что сложному предложению как одной коммуникативной единице (одному высказыванию) соответствует один РА (см., например, [12, с. 46–47]).

Другие ученые признают возможность соотнесения сложного предложения с несколькими РА [14, с. 215–220; 16; 18].

И.М. Кобозева и Ким Гон Сук выделяют элементарные и сложные на иллокутивном уровне РА. Они полагают, что соотнесение сложного предложения с элементарным и сложным РА осуществляется путем установления логического статуса частей сложного предложения в терминах противопоставления ассер-

ция/пресуппозиция. Сложное предложение соотносится с элементарным РА, если содержит одну часть, имеющую статус ассерции, т. е. того, что утверждается, о чем спрашивается и т. п., и со сложным РА, если включает более чем одну часть со статусом ассерции. Примером сложного предложения, которое соотносится с элементарным РА, является предложение *Где торт, который ты принес?*, а сложного предложения, которое соотносится со сложным РА, является предложение *Ты, говорят, принес торт, так где же он?*

В качестве критерия обнаружения в сложном предложении количества ассерций выдвинута реакция сложного предложения на отрицание: если ясно, что отрицается, сложное предложение имеет одну ассерцию; если отрицание не имеет однозначного толкования, у сложного предложения не одна ассерция (см. [9, с. 96]).

Вопрос о том, когда сложное предложение при разной целенаправленности соединяемых компонентов имеет единую коммуникативную цель (т. е. фактически соотносится с одним РА), затрагивался еще традиционной наукой (см. [5]). Так, отмечая функциональное своеобразие ряда сложноподчиненных предложений, Г.В. Валимова подчеркивает: «Если главная часть является повествовательной, то сложноподчиненное предложение имеет повествовательное значение [...]. При употреблении в позиции главной части вопросительного предложения все сложноподчиненное предложение становится вопросительным, независимо от функции его придаточной части» [5, с. 171].

Л.А. Сергиевская, соотнося сложное предложение с РА, учитывает иерархический статус иллокутивных функций, входящих в структуру РА. При анализе сложных предложений с императивной семантикой она выделяет: 1) предложения, которые имеют единую цель высказывания: а) при однофункциональности предикативных частей; б) при их разнофункциональности, если одна функция является доминирующей и распространяется на всю конструкцию; 2) предложения, которые имеют дву- или полинаправленную цель высказывания при разнофункциональности частей без доминирующей функции [15].

Итак, адекватной представляется следующая точка зрения. Существуют сложные предложения, которым соответствует простой РА, являющийся элементарным на иллокутивном уровне; имеют место также сложные предложения, которым соответствует сложный РА: в таких предложениях каждая часть представляет собой отдельный РА со своей собственной иллокутивной функцией. В числе сложных предложений, которым соответствует простой РА:

- сложносочиненные предложения с «иллокутивно тождественными конъюнктами»: *Истлевают звуки в эфире, И заря притворилась тьмой* (Ахматова); *Лети же, последняя пуля, И в горло тевтонское впейся...* (Светлов), ибо в этих предложениях при экспликации акторечевой структуры имеет место превосходство «одноактного» (или приемлемость обоих – одноактного и двухактного) решения (по мнению И.М. Кобозевой и Ким Гон Сук, из предложений: (а) *Поступило сообщение, что Миша делает уроки, и Маша тоже занята* и (б) *Поступило два сообщения: Миша делает уроки, и Маша тоже занята* – (а) более правдоподобно; а из предложений: (а) *Она дала мне поручение купить хлеба и забрать из садика Олю* и (б) *Она дала мне два поручения: купить хлеба и забрать из садика Олю* – оба приемлемы);

- изъяснительные предложения типа *Как я рада, что нынче вода Под бесцветным ледком замирает* (Ахматова);

- присубстантивно-определительные предложения, придаточная часть которых функционирует в составе определенной дескрипции как средство сужения области потенциальных референтов именной группы, типа *Мы теперь уходим понемногу В ту страну, где тишь и благодать* (Есенин) (см. [9, с. 96]).

Полагаем, что к сложным предложениям, которым соответствует один – простой – РА, тяготеют некоторые сложноподчиненные детерминантные предложения (условные, уступительные, целевые), которые изоморфны простым предложениям с детерминантом соответствующей семантики. Эта точка зрения обусловлена тем, что, как показывает О.А. Крылова, для детерминанта характерна роль темы или ее компонента [11, с. 8]; тема же является лишь исходной точкой как некая данность, с которой говорящий активно соотносит свое сообщение – рему высказывания. Данное соотношение ремы имеет в своей основе то же предикативное значение, которое возникает вследствие соотношения содержания предложения с действительностью [11, с. 39]. Именно поэтому коммуникация невозможна, если предложение не имеет ремы. В случае отсутствия соотношения ремы с темой не возникает и предложение-высказывание как законченная коммуникативно-синтаксическая единица, а потому отсутствует и акт предикации как необходимое условие создания такой единицы [там же].

Таким образом, рематичный компонент участвует в выражении предикативности, а поскольку предикативность, как показывает Е.В. Падучева, является одной из основных составляющих РА [12, с. 23], именно в рематичном компоненте сосредоточена единственная/доминирующая коммуникативная интенция говорящего.

На то, что детерминантные придаточные входят в состав темы высказывания, указывает вхождение содержания этих придаточных в латентный вопрос, помогающий выявить коммуникативное намерение говорящего.

Обратимся к рассуждению О.А. Крыловой, которая сравнивает коммуникативную организацию сложноподчиненного и простого предложения: *Поскольку понятие мира шире понятия физического пространства, / эти локальные обстоятельства // могут присоединяться к абстрактным суждениям – В силу большей широты понятия мира в сравнении с понятием физического пространства, // эти локальные обстоятельства // могут присоединяться к абстрактным суждениям.* О.А. Крылова подчеркивает, что в этих предложениях коммуникативное задание выявляют латентные вопросы: «Что происходит с этими локальными обстоятельствами в силу большей широты понятия мира в сравнении с понятием физического пространства?» / «Поскольку понятие мира шире понятия физического пространства, как ведут себя эти локальные обстоятельства?» На первой ступени актуального членения эти вопросы выявляют тему 1 – сложную, комплексную: *поскольку понятие мира шире понятия физического пространства* + данные локализаторы; тему 1: *могут присоединяться к абстрактным суждениям*; на второй ступени – тему 2 – *понятие мира* и рему 2 – *шире понятия физического пространства* [11, с. 124–125].

Итак, сложные предложения с детерминантными придаточными определенных типов имеют тенденцию к выражению единственной/доминирующей коммуникативной интенции говорящего в главной – рематичной – части.

Вопрос о том, в каких случаях сложноподчиненные детерминантные предложения представляют собой простой РА, имеющий одну иллокутивную функцию, чрезвычайно сложен.

И.М. Кобозева и Ким Гон Сук считают, что с одним простым РА директивного типа соотносятся сложноподчиненные условные предложения (*Если ты уже прочитал этот журнал, то дай его мне*), поскольку в таких предложениях придаточное не образует отдельного РА со своей собственной иллокутивной функцией, а лишь обеспечивает условие успешности директивного РА, который выражен главной частью [9, с. 96].

В сложных предложениях, соотносящихся со сложным РА, РА могут иметь совпадающие иллокутивные функции (как в предложении *Я повторить вовеки не смогу Твои слова, горячие и близкие, – Ведь речь твоя способна и в пургу Всех журавлей призвать в поля российские* (Светлов), где сочетаются РА с иллокутивными функциями [утверждение] + [утверждение]) и несовпадающие иллокутивные функции (как в предложении [*– Ты избавленья у свет покинувших не ищиши – всякое довольство, всякое успокоение от живого [...] Вот живым и служи, дак и сам жив будешь [...]*] (Астафьев), где сочетаются РА с иллокутивными функциями [побуждение(совет)] + [утверждение].

Естественно думать, что отдельные РА, оформляющие сложное предложение, не являются функционально независимыми. Поэтому важным шагом в развитии прагматики сложного предложения является доказательство относительности коммуникативной самостоятельности РА, соответствующих частям сложного предложения [9]. Под относительностью коммуникативной самостоятельности РА понимается наличие между ними прагматических отношений, аналогичных отношениям иллокутивной зависимости, которые А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин выделяют в поверхностном синтаксисе [2].

Такое понимание прагматического содержания сложного предложения близко идее Ван Дейка, который обращает внимание на возможность упорядочения РА, их совокупность, представляющую собой в сложносочиненном предложении «один – составной или комплексный – речевой акт, внутри которого одни компоненты создают условия для успешного выполнения других [...]» [6, с. 314].

Рассматривая прагматические отношения между отдельными предложениями, образующими сложный РА, Ван Дейк выделяет отношения обоснования, уточнения, обобщения, коррекции, иллюстрации, разъяснения и вывода (см. об этом в [9, с. 102]).

Н.А. Комина также выделяет отношения обоснования, относя их к подчинительным прагматическим отношениям между РА в рамках сложного РА [10, с. 109].

Исследуя прагматические отношения в сложных предложениях, одной из частей которых соответствует РА с иллокутивной функцией вопроса, И.М. Кобозева и Ким Гон Сук выделяют, в частности, отношения проверки успешности и отношения подготовки.

При определении типа прагматических отношений между элементарными РА (см. [9, с. 100]) подчеркивается, что такие отношения имеют как сочинительный, так и подчинительный характер, а также что при подчинительной связи один из РА доминирует, определяя иллокутивный тип всего сложного РА, а другой является подчиненным, «обслуживающим».

Полагаем, что прагматические отношения обоснования, проверки успешности и подготовки могут связывать отдельные соответствующие частям сложных предложений РА, один из которых имеет не только иллокутивную функцию вопроса, но и побуждения. Рассмотрим примеры полиинтенциональных сложных предложений:

(1) *Есть-то он есть, – сказал Инполит Матвеевич, вспоминая визит к вдове Грицацуевой, – но как этот стул достать?* (Ильф, Петров).

(2) [А. Ты поедешь в магазин? – Б. Да надо бы //] – А. Тогда ты поезжай сейчас, потому что пока доедешь // (Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

(3) А. Оставь / ведь второе будет (Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

(4) У тебя много крючков, дай (Астафьев).

В (1) РА с иллокутивными функциями [подтверждение + вопрос] связаны прагматическими отношениями подготовки: подтверждение, сигнализирующее о коммуникативной неудовлетворенности говорящего, подготавливает РА вопроса, являющегося в сложном РА доминирующим. В (2) и (3) РА с иллокутивными функциями [побуждение + сообщение] связаны прагматическими отношениями обоснования: иллокутивная функция второго РА обеспечивает успешность доминирующего РА побуждения. В (4) РА с иллокутивными функциями [констатация + просьба] связаны прагматическими отношениями подготовки: утверждение подготавливает РА просьбы, который является в составе данного сложного РА доминирующим.

Интерес лингвистов к прагматике, а значит, и к человеку говорящему, его живой звучащей речи позволил выявить и тот факт, что в разговорной речи иллокутивная функция многих высказываний не совпадает с их формой.

Вопрос о том, сколько иллокутивных функций заключено в косвенном высказывании, не имеет однозначного решения. Большинство ученых видит в косвенном высказывании две иллокутивные функции – основную и дополнительную, или актуальную и буквальную, о чем свидетельствует возможность реакции слушающего только на его буквальный смысл (см., например, [4, 12, 13]).

Эта точка зрения представляется адекватной, и ее следует понимать так, что в пределах одного РА могут сочетаться актуальная и буквальная иллокутивная функция.

Полагаем, что иллокутивная функция косвенного РА, не совпадающая с его формой, является актуальной, доминируя в данной коммуникативной обстановке и вытесняя на задний план буквальное значение данного РА. Классическим примером косвенного РА является вопрос *Вы не могли бы передать соль?*, употребляющийся в значении просьбы. Высказывания, построенные по модели *Вы не могли бы сделать X?*, довольно регулярно используются для

выражения значения просьбы. Поэтому их можно рассматривать как конвенциональные высказывания (или такие, которые «находятся на пути к тому, чтобы стать конвенциональным выражением просьбы» [12, с. 45]).

Косвенными РА могут быть и многие повествовательные высказывания, которые являются по форме утверждениями (констатациями, сообщениями), а по существу побуждениями, как, например, высказывание *Кипит*, которое в определенной коммуникативной ситуации может означать просьбу ‘*выключи газ*’. Подобные высказывания не являются конвенциями употребления.

Косвенные иллокутивные функции возможны и в сложном предложении. Одна из частей сложного предложения может иметь косвенную иллокутивную функцию, как в приводимом в [12, с.47] примере «*Оставь в покое кошку, и почему ты до сих пор не спишь*», где постпозитивный компонент имеет косвенную иллокутивную функцию побуждения.

В следующем сложном предложении как косвенный РА оформлен постпозитивный следственный компонент: *Но я столько лет мечтал посидеть на северной реке, половить непуганую рыбу, послушать большую тишину – мне уж не попасть на север, годы и здоровье не пустят, так что ж, бросать все, попутиться, сдаться из-за комаров?* (Астафьев).

Полагаем, что данный следственный компонент предназначен для осуществления косвенного РА с актуальной иллокутивной функцией предположения, которая полностью не подавляет буквальную иллокутивную функцию вопроса.

Как косвенное высказывание может быть оформлено все сложное предложение. Одни из таких высказываний являются конвенциями употребления, которые как этикетные формулы повышенной вежливости рекомендуется использовать в строго официальных отношениях при выражении просьбы: *Не можете ли вы сказать, где/кто/что/когда...? Могу я вас попросить объяснить мне, где/кто/что/когда...? Не могу ли я попросить вас сказать, где/кто/что/когда...? Не скажете, где/кто/что/когда...? Вас не затруднит сказать, где/кто/что/когда...? Если вам не трудно, скажите, где/кто/что/когда...? Если вас не затруднит, скажите, где/кто/что/когда...?:*

Б. А Вы не скажете / когда она приходит /

А. В разное время

(Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

Другие косвенные высказывания находятся на разных стадиях к тому, чтобы стать конвенциональными высказываниями. Продемонстрируем модели высказываний, в которых буквальная иллокутивная функция вопроса сочетается с актуальными (не совпадающими с вопросом) иллокутивными функциями.

Думаешь, что ...? – актуальная иллокутивная функция – «развенчание ложного представления собеседника» (ты ошибаешься, думая, что...)

– *Да ты думаешь, она ничего не понимает?* – сказал Николай. – *Она все это понимает лучше всех нас* (Л. Толстой); *Вы думаете, что, если вас выселили из особняка, вы знаете жизнь? И если у вас реквизировали поддельную китайскую вазу, то это жертва?* (Ильф, Петров).

Эта модель содержит эксплицитную авторизацию «чужого» мнения. А «чужое» всегда менее достоверно, чем свое. Поэтому актуальным содержанием здесь можно считать то же, что и буквальное во фразе *Я тебе не Жанна д'Арк*, иллюстрирующей «особый» иллокутивный тип высказываний, направленный на развенчание ложных представлений собеседника (см. [1, 14; 12, с. 27]).

Кто говорил, что не Р? – актуальная иллокутивная функция – «развенчание ложного утверждения собеседника» (ты ошибаешься, утверждая, что...).

(Мальчик приходит с газетами) **Р. Мам? Кто говорил, что я не достану? А это что такое?!** (показывает газету, которую достал из ящика).

(Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

Хочешь, чтобы ...? – актуальная иллокутивная функция – «предположение».

После поминок насекомые выспались, поручили сороконожке собирать на памятник и разошлись по домам... – И конец? – спросил Цвибуш. – Что же тебе еще нужно? – спросил барон. – Хочешь, чтобы паука в тюрьму посадили? Держи карман (Чехов).

Может быть, ты хочешь, чтобы ...? – актуальная иллокутивная функция – «неуверенное предположение».

– *А может быть, вы хотите, чтобы я работал даром, да еще дал вам ключ от квартиры, где деньги лежат?* (Ильф, Петров).

Что же ты молчишь, когда / как ...? – актуальная иллокутивная функция директивного типа (не молчи) в сочетании с упреком.

– *Что же вы молчите, как архиерей на приеме?* (Ильф, Петров).

– **Что смотришь, как / как будто ...?** – актуальная иллокутивная функция директивного типа (не смотри) в сочетании с упреком.

– *Что вы на меня смотрите такими злыми глазами, как солдат на вошь? Вы на себя посмотрите!* (Ильф, Петров).

Особую разновидность косвенных РА составляют РА с иллокутивными функциями, относящимися к одному и тому же родовому классу коммуникативных намерений – вопросам. Приведем модели таких РА.

Не знаешь / не видел / не помнишь, где / куда ...?

Б. А линейка не знаешь где и карандаши были в коробке?

А. Посмотри там около этой желтой ... коробки //

(Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

Б. Наталья Евгеньевна / а вы не знаете где его кубики эти //

А. Да тут Галя были //

(Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

Интерпретация этих моделей требует освещения вопроса о так называемых «однородных» высказываниях. Существует мнение (см. [13, с. 150]), что «однородными» являются такие высказывания, которые объединяют форму и прагматическое содержание двух «подклассов» одного и того же РА, например, двух видов вопросов (верификативного и идентифицирующего)», как в случае

Have you seen Mary? – She is in the kitchen, где ответная реплика свидетельствует об актуальности для данного высказывания идентифицирующего вопроса.

Приведенные выше сложные предложения также выражают актуальный идентифицирующий вопрос; одновременно они выражают и верификативный вопрос. О том, что высказывания, построенные по этой модели, сохраняют буквальный смысл, свидетельствует возможность реакции говорящего на два вопроса – верификативный и идентифицирующий. Ср.: *Не знаешь, где книга? – Знаю, вон на том столике.*

Полагаем, что в данном случае имеет место полиинтенциональность, которая совмещает коммуникативные интенции, принадлежащие к одному классу намерений – вопросам.

Знаешь, что / кто ...?

– *Ты знаешь, кто это? – обратился он к брату, указывая на господина в поддевке, – это господин Крицкий, мой друг еще из Киева, очень замечательный человек* (Л. Толстой).

Данная модель также показывает возможность реакции говорящего на два вопроса – верификативный и идентифицирующий.

Е.В. Падучева, анализируя вопросы типа *Знаешь, кто к нам приходил?*, подчеркивает, что они допускают «два осмысления: стандартное – и в этом понимании допустимы ответы *Да* и *Нет* – и идиоматическое (предпочтительное) *‘Хочешь, я скажу, кто к нам приходил’*; при этом понимании допустимы ответные реплики: *Н.Н. (‘Я сам знаю: Н.Н.’)* и *Нет, а кто?*». Второе понимание, с точки зрения Е.В. Падучевой, – это обычная ситуация косвенного РА [12, с. 234].

Идиоматическое осмысление вопросов типа «*Знаешь, кто / что...?*» полностью не вытесняет и стандартное понимание: так, реплика *Нет, а кто?* (см. выше) показывает реакцию слушающего именно на буквальное и актуальное содержание высказывания.

В осмыслении прямого и косвенного высказывания первостепенную роль играет частно-апперцепционная база – знания и опыт конкретных партнеров коммуникации в данный момент:

А. *Знаешь / что покупать?*

К. *Печенку / мясо / сметану / курагу / если будет //*

(Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

Высказывание *Знаешь / что покупать?* является прямым РА.

А. *Знаешь какой мне всегда давала совет моя мама?*

Л. (вопросительный взгляд)

А. *Когда метешь / не на себя мети / а от себя //*

(Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

Высказывание *Знаешь какой мне всегда давала совет мама?* представляет собой косвенный РА.

Неконвенциональные высказывания непосредственно связаны с выражением имплицативных значений – с выводимыми на основании максим П. Грайса

коммуникативными импликатурами, т. е. тем, что не называется говорящим словами, но вычисляется слушающим из ситуации общения. Коммуникативные импликатуры нарушают предлагаемые П. Грайсом правила ведения разговора, тем не менее понятны говорящим. Способствует разгадыванию импликатур знание закономерных отношений между объектами и явлениями действительности, иными словами, идеализированная модель мира, обобщающая представления человека о нормальном. В.Г. Гак подчеркивает: «Знание этих отношений позволяет говорящему обозначить часть вместо целого, причину вместо следствия и т. п. без риска быть непонятым» [7, 15].

Продemonстрируем примеры неконвенциональных высказываний из (Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

(1) **Б.** *Ирк!* (молчание) *Ирк!*

А. *Ты чего Мить?*

Б. *А вот ты говорила мы гулять пойдём //*

[**А.** *Да //*

Б. *Ну как хочешь //*

А. *Да можем сходить погулять //]*

(2) [**А.** *А чего Валерке дать поесть?*

В. *Валерке?*] *Есть каша / есть творог /*

(3) **Б.** [*А мне?*] *Я думала ты мне поможешь //*

[**Н.** *Тебе тоже помогу //]*

(4) [**Б.** *Селедочки дать?*

Н. *Селедочки? Как же / как же!*

Т. *Если очень попросишь / то дадим //*

[**Н.** *А я уж давно очень прошу //]*

(5) (В отделе «Шляпы») *Вы все любуетесь этой дамой / а сами ничего не покупаете //*

(6) [**А.** (к ребенку) *Вылевай / вылевай //* *Косточки внутри //* *Я думала ты научился //* *А ты не научился? Где маленький ножик? Ну / давай я //]*

В. (входит в кухню) *Ешь / а баба кости чистит //*

Высказывание (1) *А вот ты говорила мы гулять пойдём //* имеет актуальную иллокутивную функцию директивного типа (побуждение, просьба) (= пойдём гулять), буквальную – напоминание. В (2) высказывание *Есть каша / есть творог /* выражает актуальную для данной ситуации иллокутивную функцию совета (= дай кашу, дай творог) и в то же время сохраняет буквальную иллокутивную функцию сообщения. Высказывание (3) *Я думала ты мне поможешь //* предназначено для осуществления иллокутивной функции просьбы (= помоги мне), которая полностью не подавляет буквальную иллокутивную функцию предположения. Высказывание (4) *Если очень попросишь / то дадим //* иллюстрирует взаимодействие актуальной иллокутивной функции побуждения (= попроси селедочки) и буквальной иллокутивной функции обещания (дадим селедочки). В (5 и 6) высказывания *Вы все любуетесь этой дамой / а сами ничего не покупаете* и *Ешь / а баба кости чистит* имеют актуальные иллокутив-

ные функции директивного типа (совет, требование и т. п. = сам вынимай косточки из винограда, купите шляпу), буквальные – утверждения (констатации). Сопоставительные отношения в данных предложениях, подчеркивающие «ненормальное» следствие, приводят к осложнению актуальных иллокутивных функций коммуникативной интенцией упрека.

В разговорной речи возможны коммуникативные интенции, которые лишь сопровождают доминирующее содержание прямого РА. На возможность сопровождения коммуникативными интенциями целенаправленных действий партнеров коммуникации обращает внимание Е.А. Земская, объясняя это тем, что в разговорной речи высказывания содержат «сложные, часто нерасчлененные и не вполне осознанные самим говорящим намерения» [8, с. 32]. Ср. ее интерпретацию высказывания в следующем фрагменте текста: (Жаркий летний день, на даче). Взрослая дочь (А.) говорит матери (Б.). А.: *Пойду твою красную майку надену // А то мне очень жарко //*. С точки зрения Е.А. Земской, это высказывание – по форме репрезентатив; кроме сообщения о предполагаемом действии, оно содержит элемент вопроса или просьбы (= *разреши надеть твою майку; можно я надену твою майку?*), или же извинения, которое можно понять только из констатации, допустив, что до этого был разговор о том, что майка плохо сидит (= *прости, что я, зная твое мнение, что майка мне велика, пренебрегаю им*), и которому дается обоснование (*А то мне очень жарко*).

Полагаем, что доминирующая и сопровождающая иллокутивная функция также сочетаются в пределах одного РА.

Продемонстрируем сопутствующие РА коммуникативные интенции в сложном предложении. Примеры приводятся из (Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978).

(1) В. [*Давай Алеш / скорей одевайся /*
Г. *Не хочу //*]

В. *Мы погуляем / потом придем поиграем //* [*Всего час погуляем // Даже сорок минут //*]

(2) А. *Давай сейчас дам молочка попьешь //* [*Ладно / Свет? Хорошо?*]

В (1) высказывание *Мы погуляем / потом придем поиграем* оформляет РА с иллокутивной функцией сообщения о планируемом действии, который сопровождается сопутствующими недифференцированными иллокутивными функциями просьбы/уговора и обещания (= *давай погуляем; потом придем поиграем*). В (2) высказывание *Давай сейчас дам молочка попьешь //*, предназначенное для РА с иллокутивной функцией сообщения о предстоящем действии, осложняется недифференцированными сопутствующими иллокутивными функциями просьбы/требования/уговора и вопроса (= *попей молочка; попьешь молочка?*).

Итак, в сложном предложении полиинтенциональность могут создавать прямые РА, имеющие совпадающие и несовпадающие иллокутивные функции; косвенные РА, в которых актуальные иллокутивные функции полностью не подавляют буквальными иллокутивными функциями; а также сопутствующие прямым РА коммуникативные интенции.

Summary

A.Yu. Chernyshova. The polyintentionality in complex sentences.

The article illustrates that polyintentionality in complex sentences can be created by the combination of direct speech acts that coincide with or don't coincide with illocutive functions, by indirect speech acts in which actual illocutive functions don't fully obscure literal illocutive functions. Communicational intentions that accompany direct speech acts can create polyintentionality as well.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики 1981. – М., 1983. – С. 3–22.
2. *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллокутивного вынуждения // Вопросы языкознания. – 1991. – № 2. – С.84–99.
3. *Белошапкова В.А.* Сложное предложение в современном русском языке: Некоторые вопросы теории. – М.: Высш. шк., 1967. – 160 с.
4. *Блох М.Я.* Категория оппозиционного замещения // Вопросы теории английского языка. – М., 1973. – С. 37–44.
5. *Валимова Г.В.* Функциональные типы предложений в современном русском языке. – Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1967. – 331 с.
6. *Ван Дейк Т.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – 1978. – Вып. 8. – С.259–336.
7. *Гак В.Г.* Прагматика, узус и грамматика речи // Иностр. языки в школе. – 1982. – № 5. – С. 11–16.
8. *Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 5–44.
9. *Кобозева И.М., Ким Гон Сук* Сложное предложение как форма сложного речевого акта // Сложное предложение. Материалы научн. конф. – М.: Рус. учебн. центр, 2000. – Вып. 1. – С. 96–105.
10. *Комина Н.А.* Прагматическая структура сложной реплики // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин, 1984. – С. 103–110.
11. *Крылова О.А.* Коммуникативный синтаксис русского языка. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1992. – 172 с.
12. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
13. *Поспелова А.Г.* Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – С. 141–153.
14. *Санников В.З.* Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. – М.: Наука, 1989. – 267 с.
15. *Сергиевская Л.А.* Квалификация сложных предложений по целенаправленности // Русский язык в школе. – 1994. – № 3. – С. 79–83.
16. *Сергиевская Л.А.* Модальность сложного предложения с императивной семантикой в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 48–55.
17. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Синтаксис // Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.

18. *Чернышева А.Ю.* Частицы в сложном предложении. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. – 164 с.

Поступила в редакцию
06.03.06

Чернышева Алевтина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.

E-mail: *rus.in@ksu.ru*